

Правда

Истинностная адекватность события информации о нем. Слово восходит к слав. антитезе 'правда/кривда'; через архаическую оппозицию 'правого/левого' закрепилась как языческий рудимент в составе кардинальных национально–христианских представлений (*нраведное/грешное*; ср. «Русская Правда»); сакральных формул клятвы («ей–Богу, правда»; «святая правда») в теологической ('православие'), юридической ('*нравеж*', '*нравительство*') и педагогической ('*направник*') терминологии. Древнейший топос дольней горизонтали (П. взыскуется в пути; см. тему странников–правдоискателей в фольклоре и литературе), усложнен горней вертикалью молитвенного диалога с Богом как Сущей Правдой (Истиной–Естиной) бытия. На правду перенесена апофатическая атрибутика: в «отрицательном» смысле П. несказанна, загадочна, чудесна, невыносима и даже жестока, несокрушима, имперсональна, неподсудна, безначальна, вневременна, провиденциальна, прикровенна. В аспекте катафатики П. всеблага, богооткровенна, софийна, субстанциональна, неделима, спасительна, всечеловечна, конкретна, совершенна. Дуальная (сакрально–мирская) фактура правды и ее двойная (промыслительно–дольняя) событийная природа породила укорененную в падшем сознании антитезу 'Истина / Правда' (см. *И.С. Тургенев.* «Истина и правда», 1882). В парадигму первой вошли неотмирность, бесстрашие, справедливость, абсолютность; второй – посясторонность, пристрастие, этическая конъюнктура, релятивность. Истина онтологична (этимон–субстантив – '*естина*') и единственна, П. относительна и множественна. Традиционное русское мышление под 'правдой' понимает Божью правду, т.е. либо 'справедливость', либо 'Истину' в сакрально–авторитарном контексте. Из признания правды и Истины равночестными состояниями мира рождается идеология «двойной истины» и та «теомахия» двух правд, о которых говорил П. Флоренский применительно к герою Шекспира в эссе о Гамлете. В аспектах точности и свидетельства Божья П., которая есть последняя красота и предел совершенства, осуществляется в приоритетном высказывании пророка, младенца, старца

или юрода в рамках внебытовой речи или вовсе за пределами слова (от «языка богов» до молчания). Отсюда – благоговейный ужас профана пред вербальным явлением Истины и человеческая непомерность ее для медиумов откровения. Сакральное знание жреца о вышних замыслах Провидения избывается его жертвенной судьбой (светский вариант – гонимый поэт–пророк, непонятый мыслитель–изгой). П. св. Писания приходит на чужом языке и приносит с собой властные структуры как хозяйски организованную информацию. Мифология власти рождается на импорте сакральной правды и социального авторитета вождя. Поэтому становится возможной и мифология потребной правды (ср. догмат и ересь). Пространство релятивной правды образуют факты, изъятые из каузальной ряда и сгруппированные в квази–поясняющую их идеологизованную композицию. На этом строятся практики политической цензуры, фальсификации прошлого и мифология истории (на Руси – начиная с Ивана IV Грозного). Космос Истины заполнен событиями (т.е. смысловыми следами фактов, которые из простой наличности во времени возросли в ранг события смыслового присутствия в вечности <см. факт / событие>). Работа правды – в предстоянии динамически–событийного спасаемого мира своему собственному логосу, т.е. в промыслительном самооправдании. Хронодицея и теодицея и есть П. бытия, смысловое Сердце Мира и органический Эрос мировой плоти. П. проясняет лицо мира сего и подьмет его из тварного подобия к первообразу Лица, «обличает» его, т.е. освобождает от личин лжи и греховной полуправды. П. есть онтологический принцип и мера справедливо организованного Космоса, что для микрокосма личности обратилось трагической неприменимостью и порой ненужностью правды в рамках простой житейской практики. В правде есть безысходность последнего знания. Кант допустил лицемерие в качестве правила игры в сферах общественного поведения; этим классический рационализм выразил беспомощность «я» перед свободой морального выбора. Русская религиозная философия осознала избывание вины–ответственности перед правдой в форме соборной адекватности

ей (С. Трубецкой). Постклассика готова скорее отказаться от принципа мировой правды, чем поступиться личной волей, окончательно обессмысленной внутри обреченного на абсурд бытия–к–смерти. ‘Страх Божий’ (стоический пиетет перед вышней Истиной) трансформируется в идиосинкразию перед безлично–всеобщей правдой и в «преодоление самоочевидностей» (Л. Шестов), в бунт против самой возможности последней правды. Культ «честной правды», открытой навстречу исповедности и признанию перед Другим, окрасивший XIX век в тона покаяния и надежды, сменился в XX-м социальным страхом перед правдой и утешительным самообманом. «Нет ничего страшнее, чем выслушать правду о себе, нет ничего более неуместного, чем правдивая информация; самооценка не может быть объективной», – в противовес подобным стереотипам нашего столетия возникла философия диалога. Одним из ее постулатов стал тезис М. Бахтина: «я» не способно высказать правду о себе со своего единственного места и в пре-

делах личного самосознания; необходима компетентная точка зрения Другого, с которой «я» эстетически понято и спасено из плена плоского эгоистического пребывания, оправдано и завершено. На фоне разоблачительных новаций нищезанятия и фрейдизма, тотального эстетизма и театрализованного быта, истерической патетики революционных лозунгов начала XX века простые и наивные ценности правды выглядели старомодно. П. стала приемлемой «в форме лжи» (А. Платонов), «прелести» (М. Пришвин; для него П. бездарна, а ложь всегда талантлива), что говорит не о популярности апофатки как продуктивной логической методы, а о деградации веры в суеверие. Медленное накопление жажды правды к финалу XX в. приобрело затем взрывной характер; этому процессу сопутствовал успех исторических, семиотических и философско–семантических исследований. В истории русской совести П. является самоцельным объектом жизненного поиска и центральным вектором и критерием национально–го самоопределения.

Тексты и исследования: *Арутюнова Н.* Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурный контекст. – М., 1991; *Гавриил (В.Н. Воскресенский).* Философия правды. – М., 1843; *Бердяев Н.А.* 1) Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. – М., 1909; 2) Правда и ложь общественной жизни; Об истинной и ложной народной воле // Н.А. Бердяев. Духовные основы русской революции. Статьи 1917–1918 гг. – Берлин, 1923 (Париж, 1990); *В.В. Розанов:* pro et contra: В 2-х кн. Кн.1. – СПб., 1995. – С. 108; *Билалов И.* Культура постижения истины. – Махачкала, 1993; *Дубровский Д.И.* Обман. Филос.–психол. анализ. – М., 1994; *Зелинский Ф.Ф.* 1) Трагедия правды // Русская мысль – 1911, кн. 11. – С. 1–47; *Зиновьев А.А.* Страх правды // А.Г. Зиновьев. Зияющие высоты. – Париж, 1976; *Знаков В.* Психология понимания правды. – СПб., 1999; *Исупов К.Г.* Мифология истории // Логос. Кн.2. – СПб., 1992; *Кафка Ф.* Афоризмы. Размышления об истинном пути // Знамя. – 1993, № 6. – С. 110; *Корольков А.А.* Правда есть истина в действии // А.А. Корольков. Русская духовная философия. – СПб., 1998. – С. 211–223; *Коханский А.Н.* Правда–истина. Вып. 1. – М., 1913; *Мельников П.И.* О русской правде и польской кривде, 1863; *Распутин В.* Необходимость правды // Литерат. учеба. – 1984, № 3; Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. – М., 1995; *Михайловский Н.К.* Письма о правде и неправде, 1877 (Соч. СПб., 1897. Т. IV); *Рафаилов М.* Система правды и наши общественные интересы // На славном посту. Сб. в честь Н.К. Михайловского. – СПб., 1906. – Изд. 2-е; *Рачков П.* Правда – справедливость // Вестник МГУ. Серия 7 – Философия. – 1996. № 1; *Степанов Ю.С.* Концепты. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С. 318–332; *Трубецкой С.Н.* Основания идеализма, 1896 // *Трубецкой С.Н.* Соч. – М., 1994; *Флоренский П.А.* Гамлет, 1905 // *Флоренский П.А.* Соч.: В 4 т. – М., 1994. – С. 250–280; *Черников М.В.* 1) Концепты «правда» и «истина» в русской культурой традиции // Общественные науки и современность. – 1999. № 2; 2) Концепты «правда» и «истина» в русской культуре: проблема корреляции // Полис. – 1999. № 5; 3) Как правда сопрягается с истиной? Русская парадигма // Вестник Воронежского университета. – 1999, № 1. С. 82–89; *Шукшин В.М.* Нравственность есть правда. – М., 1979.